Н.С. МУРАШОВА

ДУХОВНЫЙ СТИХ В КОНТЕКСТЕ НОВГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В настоящее время весьма сложно определить регион первоначального складывания того или иного сюжета духовного стиха. Поэтому невозможно однозначно атрибутировать принадлежность конкретного образца к новгородскому по происхождению памятнику. Однако доподлинно можно утверждать приоритет определённых сюжетов среди духовных стихов, бытовавших у новгородцев ранее и в настоящее время. Его выявление возможно, во-первых, на экспедиционных материалах; во-вторых, на основе сравнительного изучения памятников внебогослужебного духовного пения, иконописных, литературных и фольклорных источников. Наше исследование базируется преимущественно на сравнительном источниковедческом анализе, а также на выявлении образцов, записанных в новгородских землях и опубликованных в изданиях XIX–XXI вв.

Для начала следует упомянуть об особой роли новгородских распевщиков в формировании жанров внебогослужебного религиозного пения. Дело в том, что расцвет духовного стиха в XVI в. был обусловлен общим подъёмом древнерусской культуры периода отечественного предвозрождения, одним из проявлений которого явилось становление региональных и авторских стилей духовного пения. Новгородская школа была представлена такими выдающимися распевщиками, как Савва и Василий Роговы; автор распева Псалтыри, жития и канона Никите Новгородскому, службы Варлааму и Иоасафу, сподвижник святителя Макария Маркелл Безбородый; новгородцами были и перебравшиеся в церковную резиденцию Ивана Грозного в Александровской слободе Иван Нос и Фёдор Христианин. Кстати заметить, Сте-

Мурашова Наталья Сергеевна – к.искусствоведения, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

фан Голыш и его ученик Исайя Лукошко, представлявшие усольскую строгановскую школу пения, развивали новгородский певческий стиль, так как Стефан был учеником Саввы Рогова.

С деятельностью этих выдающихся распевщиков было связано развитие авторского творчества. Осознание своего права на индивидуальное претворение средневекового певческого канона привело к формированию русской лирики. В рамках профессионального певческого искусства одним из её жанровых проявлений стал покаянный стих. Таким образом, творчество новгородских распевщиков, бесспорно, способствовало развитию названного жанра внебогослужебного духовного пения.

Что касается фольклорного духовного стиха, который развивался параллельно покаянному, то и здесь можно предположить влияние новгородских традиций. Поэтика, музыкально-стилистические и композиционные особенности старших стихов складывались под непосредственным воздействием русского былинного эпоса. Известно, что Новгород примерно с XII в. становится своего рода эпическим центром Древней Руси. Здесь не только продолжают бытовать киевские старины, но и появляются новые былинные произведения. Новгородская колонизация способствовала дальнейшему распространению былинного фольклора и утверждению Русского Севера в качестве главного очага бытования древнерусской эпической культуры. До XVII в. фольклорный духовный стих стилистически был связан именно с эпической традицией, в дальнейшем в духовном стихе усиливается лирическое начало.

Итак, в период формирования и активного развития духовного стиха, когда происходило складывание его жанрово-стилистических особенностей под влиянием церковной гимнографии и народно-песенного творчества, именно Новгород играл роль аккумулятора культурных ценностей Древней Руси. Духовный стих, будучи открытой художественной системой, «впитывал» в себя интонации окружающего музыкально-поэтического пространства, самобытно осваивая его достижения.

Одним из косвенных сюжетных источников духовного стиха была иконопись. Можно предположить, что сюжеты икон получали своё продолжение в распетом слове духовного стиха. Особенно это касается тех произведений, которые содержательно

совпадают, которые посвящены одному и тому же святому. Новгородская школа являлась выдающимся центром иконописания на Руси. Здесь культивировались свои излюбленные сюжеты, связанные с теми святыми, которые особо почитались в новгородских землях. А это, в свою очередь, наталкивает на мысль о том, что и духовные стихи, посвящённые тем же святым, могли пользоваться известностью и широко бытовать в Новгороде и его окрестностях. Наиболее чтимые в Новгороде святые, чей культ получил отражение и в христианском искусстве и в народной поэзии – Георгий Победоносец, Николай Чудотворец, Параскева Пятница, Илья Пророк, Власий, Флор и Лавр, Анастасия.

Одним из первых свидетельств почитания великомученика Георгия в Новгороде является Юрьевский монастырь, основанный в 1030 г. после победы над чудью князем Ярославом Мудрым (в крещении Георгием), с именем которого связано распространение почитания святого Георгия среди православных христиан. В описи Новгородского Софийского собора 1749 г. указан ковчег с мощами святых, в том числе Георгия (1).

В одной из редакций Архангелогородского летописца XII в. имеется свидетельство о чудесном явлении и помощи Георгия осаждённым чудью новгородцам (2). В нём рассказывается история, связанная с основанием новгородцами Вологды и Великого Устюга. Двигаясь по р. Сухоне, нашли они чудесное селение, в котором обосновались и построили часовню во имя Георгия Храброго. Коренные обитатели этих мест дважды нападали на пришельцев и дважды с помощью молитв, обращённых к святому Георгию, были отброшены назад. Согласно легенде, Егорий Храбрый явил два чудных видения, после которых враги новгородцев обратились в христианство. Он предстал воином на коне, появившемся на кровле часовни во имя Георгия Победоносца, в которой молились новгородцы. Воин копьём грозил нападавшим. При втором набеге снова явился тот же воин. После этого местность на долгое время получила название «У Егория в полугоре» (3).

Об особом отношении к великомученику Георгию свидетельствует большое количество икон, созданных новгородскими мастерами в разные периоды древнерусского иконописания (4): 1130–1140-е годы из Георгиевского собора Юрьева монастыря, середины XIV и XV вв. (Чудо Георгия о змие) из собрания

И. Остроухова (хранятся в Третьяковской галерее); начала XIV в. (Георгий с житием) из собрания М. Погодина; конца XIV в. (Чудо Георгия о змие) из Маниохинской церкви Пашковского р-на Ленинградской обл. (хранятся в Русском музее); XV в. (Георгий пеший) (хранится в Новгородском историко-архитектурном музее-заповеднике); середины XVI в. из Петро-Павловского монастыря Новгорода и др.

Великомученик Георгий известен как покровитель земледельцев, скотоводов и защитник от хищных зверей. О таком восприятии образа святого Георгия, в частности, свидетельствует новгородская икона Русского музея, где великомученик изображён вместе с Иоанном Лествичником и священномучеником Власием, и псковская икона 2-й половины XVI в. из Псковского музея, на которой в верхнем левом углу изображены святые Василий, Флор и Лавр. Также Георгий считается покровителем воинов. Неслучайно «Чудо Георгия о змие» стало одним из распространенных иконографических сюжетов. Здесь Георгий изображён на коне копьём поражающим чудовище ради спасения безвинной жертвы.

В духовных стихах, посвящённых святому, Георгий представлен и как мученик, и как змееборец, что соответствует трактовке этого образа в иконографии. На основе анализа духовных стихов, обнаруженных в районах новгородской колонизации, можно выделить образцы, повествующие о победе Егория над змеем («О спасении Елисавии Арахлинской царевны», записанный в Олонецкой губ. (5)); о мучении Егория царем Ондреянищем / Демьянищем / Кудреянищем (житийным Диоклетианом), духовной стойкости Егория и расправе над басурманским царём («Егорий храбрый мстит за отца»), записанный в с. Кузомень Терского берега Белого моря (6); «Егорий храбрый и царище Демьянище», записанный в д. Печенкино Яранского уезда Вятской губ. (7); «Стих про Егория храброго», записанный в Архангельской губернии (8)). В стилистическом отношении все перечисленные образцы близки былине, что проявляется в их тирадных композициях, различных ретардационных приёмах, тоническом типе стихосложения, частом обращении-олицетворении, использовании этикетных формул при описании мотивов родительского благословения, вражеского нашествия, спора между противниками, чудесной помощи. Егорий храбрый в этих стихах предста-

ёт в образе былинного богатыря. Интересен стих из Архангельской губ., в котором действие целиком происходит на Руси, врагами здесь выступают «татары поганые», а Егорий фигурирует как сын Фёдора Черниговского. Тем самым житийный стих пересекается с образцами, сюжетно связанными с древнерусской историей.

Кстати заметить, существует группа памятников, посвящённых князю Михаилу Всеволодовичу Черниговскому и сопровождавшему князя боярину Фёдору, мученически погибшим в ставке хана Батыя в 1246 г. и причисленным церковью к лику святых. Из публикаций известен духовный стих «Михаил и Фёдор Черниговские», записанный в д. Слобода Новгородского уезда (9). Святые Михаил и Фёдор предстают здесь как избавители русской земли, «на краю гибели стоявшу». Записанный в середине XIX в. вариант можно оценить как фрагмент. Он состоит всего из 21 стихотворных строк; начинается сразу же с мотива плача русского народа о своей земле. Здесь нет развитого повествования, как, например, в «Сказании об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Фёдора». Стилистика новгородского образца испытала явное влияние высокой книжной поэзии, о чём свидетельствуют экспрессивные обращения и восклицания, повторённые дважды, характерные для барочной литературы эпитеты.

В Новгородской губ. в XIX в. был записан стих о Дмитрии Солунском «Сопущались с небес два ангела да два архангела» (10), в котором раннехристианский мученик предстаёт спасителем русских людей от хана Мамая. Пересечение агиографического персонажа с событиями из русской истории, связанными с татаро-монгольским нашествием, напоминает сюжет упомянутого выше «Стиха про Егория Храброго», сына Фёдора Черниговского, освобождающего русскую землю от татарского владычества. Подобное «скрещивание» событий и персонажей, имеющих разное национальное и хронологическое происхождение, свидетельствует о стремлении к объединению раннехристианской и древнерусской истории, о включении русских событий в мировую христианскую культуру. Такие приёмы характерны для эпического стиля, стремящегося к обобщению событий. Стих «Сопущались с небес два ангела» завершается чудесным возвращением русских полонянок из татарского плена в церковь Дмит-

рия Солунского, вполне возможно – храм святого Димитрия на Торговой стороне.

К сюжетам на историческую тему примыкает духовный стих об Александре Невском (11). Он делится на 2 части. В первой речь идёт о том, как счастливо жили русские люди после принятия христианства, но когда стали забывать Бога, то он послал на Русь «казни лютые, смертоносныя» в виде «нечестивых людей, татар крымских». Второй раздел стиха переносит действие в Новгород, называемый «святым местом», где «жил христианский народ» и где новгородский князь Александр Невский «разбил и прогнал нечестивых татар». Завершается стих прославлением благоверного князя. Примечательно в этом памятнике противопоставление забывшего Бога русского народа и сохранившей святость новгородской земли во главе со своим князем.

Один из самых любимых в народе христианских святых – Николай Чудотворец. Он является персонажем большого количества литературных и фольклорных произведений, возникших на основе жития святого угодника Божьего. Образ Николая Чудотворца встречается в пословицах, легендах, былинах и, конечно же, в духовных стихах. Непосредственно с Новгородом связан сюжет известной былины о Садко, в которой Никола Можайский помогает новгородскому купцу выбраться из морской бездны. В.И. Мельник и Т.В. Мельник трактуют образ Николы как защитника христианской веры и спасителя человеческой души. По утверждению исследователей, содержанием былины «является борьба язычества и христианства в Северо-западной Руси»; «перед нами едва ли не первый в русской литературе сюжет о закладывании души дьяволу»; Никола «противопоставлен языческому божеству морскому царю» (12).

Святитель Николай – покровитель странствующих по водам, что для купеческого Новгорода являлось распространённым занятием. Вот почему былинному Садко, гибнущему на море, приходит на помощь именно Никола. Этому святому как своему спасителю Садко строит соборный храм. В.И. и Т.В. Мельники считают, что былина о Садко «перекликается с известным в истории фактом чудесного излечения Николаем Угодником в 1108 г. новгородского князя Мстислава, сына Владимира Мономаха. Чудо исцеления тоже было связано с бурей на Ильмень-озере» (13).

О почитании новгородцами святого Николая свидетельствуют монастыри и многочисленные храмы, освящённые в честь Божьего угодника как в самом Новгороде, так и в прилегающих к нему землях. Это Белый во имя святителя Николая Чудотворца мужской монастырь, основанный в начале XIV в. (сохранилась лишь церковь Николы Белого), Николо-Вяжищский монастырь, основанный в конце XIV в. с Никольским собором XVII в.; церкви во имя святого Николая Чудотворца XII в. из Зверина монастыря, XII в. из Антониева монастыря, XVI в. из Деревяницкого Воскресенского монастыря, XVII в. из Воскресенского на Красном поле монастыря; Николо-Дворищенский собор XII в., церковь святого Николая на Яковлеве улице XII в., церковь Николы на Липне конца XIII в., церковь святого Николая в Чудинцевом заполье конца XIV в.; церковь Николая Чудотворца Новгородского Кремля середины XV в. и др.

Иконография святителя Николая, представленная новгородской живописью, весьма обширна, начиная с «Николы» из новгородского Духова монастыря конца XII в. и «Николы Липенского» Алексы Петрова конца XIII в. и включая прочие многочисленные памятники новгородской иконописи XIII–XVII вв. Нередким в новгородских иконах является изображение Николая с другими святыми: с Космой и Дамианом, с Параскевой Пятницей, с Артемием Веркольским.

Среди духовных стихов, посвящённых чудотворцам, преобладают сюжеты, связанные с Николой, подтверждая факт повсеместного почитания святого. Имеются стихи, иллюстрирующие фрагменты его жития; представляющие хвалебные песни; содержащие прошения о помощи. Столь разнообразный репертуар духовных стихов, посвящённых святителю, отражает безграничные масштабы его культа на Руси. В публикациях встретился образец, записанный от известной северорусской сказительницы М. Кривополеновой в д. Шотогорка Пинежского уезда Архангельской губ. (14). Стих повествует о почитании святителя Миколы «Меркольского Чудотворца», о вере в его помощь и поддержку в бедах, болезнях, сидящим в темницах, плавающим по морю.

Святая Параскева Пятница также входит в круг наиболее почитаемых в Новгороде святых. Она считалась покровительницей брака и родов, земли и скота, защитницей женщин, охранитель-

ницей семейного благополучия и женских работ, целительницей от недугов. Кроме того, святая Параскева покровительствовала торговле. Пятничные базары и ярмарки были характерны для многих русских городов. Неслучайно именно ей был посвящён храм, построенный в Новгороде в 1156 г. «заморскими купцами» – новгородцами, торгующими с иноземными странами. Церковь Параскевы Пятницы XIX в. имеется в г. Боровичи. Имя Параскевы носят многие святые источники.

Большинство икон, посвящённых святой, имеют новгородско-псковское происхождение. О популярности этого образа среди новгородских иконописцев свидетельствует большое количество памятников. На ранних северных иконах встречается изображение святой на обратной стороне Богородичных образов. Начиная с XIV в. широкое распространение получают иконы с изображением Параскевы совместно с другими святыми. Как замечает по этому поводу В.Н. Лазарев, «практичные новгородцы предпочитали заказывать такие иконы, на которых было бы сразу изображено несколько патронов. Тем самым от иконы ожидали более активной помощи в повседневных делах. Обычно этих святых выстраивали в ряд и размещали над ними излюбленную эмблему города — Знамение Богоматери» (15). Параскева изображается вместе с Анастасией, Варлаамом Хутынским, Иоанном Милостивым, Николой, Ильёй Пророком, Власием, Варварой, Ульяной (иконы XIV–XVI вв. из Русского музея, Третьяковской галереи и Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублёва).

Святая Параскева считалась покровительницей одноимённого ей дня недели – пятницы. Об особом почитании пятничного дня имеется духовный стих «О двенадцати пятницах», который восходит к апокрифическим сочинениям: «Сказанию о двенадцати пятницах, в году бываемых, в кои должно всякому православному христианину от греха блюстися и постися» и «Поучению иже во святых отца нашего Климента папы Рымского о двунадесятницах». Духовные стихи о Пятнице имеют ярко выраженное назидательное содержание. Так, в записанном в д. Бор Валдайского уезда Новгородской губ. образце «Пятница и пустынник» (16) рассказывается, как к «труждданину»-молитвеннику во сне явилась Пятница и велела ему отправиться в народ со «словом Божьим». При этом Пятница напоминает нормы пра-

ведной жизни и предупреждает о расплате за грехи.

Мотив почитания пятничного дня, а также среды и воскресенья, встречается в ряде духовных стихов эсхатологической тематики. В них говорится, что не соблюдающие их угодят в ад. Мотив кающихся в непочитании святых дней грешников встречается в стихе «Архангелы Михайло и Гавриил – перевозчики через огненную реку», записанном в д. Шотогорка Пинежского уезда Архангельской губ. (17), и в стихе «Огненная река», записанном в беломорской Кандалакше (18). В целом нужно отметить большую распространённость сюжетов о кончине мира и Страшном Суде. Они фиксировались как в новгородских пределах, так и в различных районах Русского Севера: «Воскреснет небесный царь» – д. Бор Валдайского уезда Новгородской губ. (19); «Михайло Архангел – грозный судья» – г. Кадников на Вологодчине (20); «О страшном суде» («Полетите, полетите, Петры-Павлы») – д. Наумовская Вологодского уезда (21) и др.

Отличительной особенностью новгородских и северорусских эсхатологических стихов является их тяготение к эпической стилистике. Для них характерны масштабность, повествовательность, подробное описание адских мук и тех грехов, за которые они наступают. В роли небесных карателей упоминаются архангел Михаил, Петры-Павлы, Козьма-Дамьян, Илья-пророк, Ондрей Первозванный и сам Небесный Царь. Интересно, что в одном из вологодских образцов Петры-Павлы величаются «апостольскими богомольцами, кирилловскими чудотворцами», что свидетельствует об отождествлении апостолов Петра и Павла со святыми покровителями Кирилло-Белозерского монастыря. Упоминание Андрея Первозванного связано с широко бытовавшим на Руси легендарным преданием о миссионерском путешествии апостола в Киев и Новгород.

Композиционным стержнем эсхатологических памятников выступает диалог между Богом и грешниками. В редких образцах встречается раздел, где упоминаются праведники и уготованное им место во Царствии Небесном. Большая же часть стихов посвящена описанию наказания грешников, что придаёт ярко выраженный дидактизм всем подобным образцам. Необычную концовку имеет стих, записанный в Пинежье: Богородица засыпает огненную реку песками, не в силах «притерпеть» горе грешников.

Более 100 новгородских подвижников веры были канонизи-

рованы. Как отмечают исследователи религиозной культуры, древний новгородский пантеон превосходил пантеоны других русских земель. Казалось бы, данный факт должен был способствовать развитию песнетворчества, сюжетно связанного с новгородской агиографией. Однако имеется лишь несколько стихов, посвящённых новгородским святым, которые были созданы уже в позднее время и являются частью авторской духовной поэзии. Это «Святой Иоанн Новгородский» (22) и «Антоний Римлянин» (23).

Сюжет стиха о первом новгородском архиепископе Иоанне восходит к «Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе». Имя автора стиха выявить не удалось. Написан он стопным стихосложением со слоговой длиной строк 9 + 8. По манере изложения сюжета напоминает литературную балладу начала XIX в. Повествовательные эпизоды периодически сменяются авторскими комментариями от первого лица. Композиция стиха включает следующие разделы:

1) Зачин «Давным-давно уж в Новограде был-жил святой архиерей» – своеобразный нравственный портрет главного героя, характеризуемого как милостивый пастырь и воитель против беса;

2) завязка «Вот как-то раз в тиши полночной молился тот архиерей» – явление в келье Иоанна беса с целью «от молитвы дух и мысли отвратить»;

3) поездка Иоанна на бесе в Святую землю, моление Иоанна пред Гробом Господним;

4) возвращение в Новгород и просьба беса о неразглашении случившегося;

5) рассказ Иоанна о человеке, «который в несколько часов на бесе съездил к Палестине»;

6) месть беса, слухи о проказах и блуде Иоанна;

7) изгнание Иоанна, свержение его в Волхов;

8) чудесное плавание на плоту против течения, раскаяние народа, возвращение Иоанна на святительский престол.

Стих представляет практически точное восследование событий в соответствии со списком «Повести» конца XV в.

«Антоний Римлянин» – произведение о новгородском чудотворце – было создано А. Братолюбовым в 1888 г. Оно воспроизводит эпизод плавания Антония на камне, символизирующем твёрдую веру святого в Бога.

В заключении уделим внимание новгородским образцам, которые имеют отношение к старообрядческой истории русского православия. В этой связи следует упомянуть произведения, посвящённые «соловецкому сидению» – событиям, происходившим в 1668–1676 гг. в беломорской обители, основанной ещё в XV в. Зосимой, Савватием и Германом. Известные по записям тексты можно разделить на 2 две группы. В первую входят варианты, воспроизводящие эпизоды соловецкого восстания, их можно отнести к историческим памятникам. Вторую группу составляют тексты назидательного содержания, они объединены названием «Плач пустынных жителей (соловецких иноков)».

Исторический духовный стих «Соловецкое сидение» (24) представляет собой довольно масштабный эпический сказ о разорении северного монастыря, братия которого открыто выступила против Никоновых новин. Повествование начинается с того момента, как во Москве-граде «государь-царь Алексей сударь Михайлович» отдаёт приказ воеводе Салтыкову разорить непокорный монастырь. Однако «любимый царский воеводушка» пытается отговорить государя от задуманного. Разгневанный царь приказывает исполнить его повеление, а запуганный казнью воевода просит дать ему «силу немалую». Далее воевода обращается к ветрам с просьбой «донести» его с войском к соловецкой обители. На Петров день пономарь Соловецкого монастыря заметил приближающееся войско и рассказал о том братии. Монахи сначала решили, что воины идут помолиться, но тут начался обстрел обители. Иноки встали на защиту старой веры. Они специально выпускали пушечные ядра поверх голов нападавших, чтобы не прогневить царя. Когда Алексей Михайлович узнал об этом, он приказал «монастырь святой не разоряти, стару веру не разрушати». Однако войска уже «всех трудников полонили, в лед живыми погрузили», «стары книги перервали и в огонь все пометали».

Конечно, в духовном стихе представлена поэтически обработанная версия происходивших событий. Примечательно, что некоторые факты близки к реальности, например, указание на сроки начала осады: в стихе упоминается Петров день (29 июня), в исторических документах – 22 июня. Инициатором разорения монастыря действительно выступал Алексей Михайлович, однако воеводы, осуществлявшие царскую волю, носили другие име-

на. Упомянутый в стихе Иван Петрович Салтыков, возможно, в качестве прототипа имел новгородского воеводу Ивана Михайловича Салтыкова, пришедшего в Новгород в 1610 г. для присяги новгородцев польскому царю Владиславу. И, конечно же, особого внимания заслуживает тот факт, что поэтическая народная версия пытается обелить царя, который якобы раскаялся и дал приказ для обратного хода событий, но было уже поздно. Подобное отношение к государю-батюшке, обусловленное столь распространённой на Руси верой в справедливого царя, является весьма показательным для фольклорных произведений.

Назидательная группа памятников («Плач соловецких иноков») широко известна не только на Русском Севере, но и в других регионах. Их распространённость объясняется созвучием содержания эсхатологическим настроениям, характерным для старообрядческого мировоззрения. С эпической масштабностью в таких образцах перечисляются все беды и скорби, которые «попустил Господь по грехом нашим на нашу страну». Столь яркой картины с описанием последнего времени, пожалуй, не встретить ни в каком другом образце эсхатологической поэзии. С большой экспрессией перечисляются грехи, за которые последовало такое наказание. Завершается большинство вариантов «Плача» обращением к душе: «Не страшись, душе, страха тленного, убойся ты огня вечного». Стилистический анализ подобных образцов показывает, что варианты создавались в разное время, претворяя эпический былинный стиль и особенности книжной силлабо-тонической поэзии.

Даже беглый обзор духовных стихов, записанных в Новгороде и районах новгородской колонизации, показывает, сколь значительное место занимали внебогослужебные жанры духовного пения в репертуаре региона. Они отличаются содержательным многообразием и стилевым единством. Преобладают эпические стихи, что, в целом, характерно для северных и северо-западных фольклорных традиций. Для более конкретных выводов необходимо заниматься экспедиционным выявлением бытующих памятников, а также поиском неопубликованных архивных материалов и систематизацией уже изданных текстов. Отдельное внимание заслуживает проблема создания и распространения покаянных стихов как образцов профессионального внебогослужебного пения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Описи Новгородского Софийского собора. Новгород, 1993. Вып.2. С.39.

2. Летописец. М., 1819. С.132. См.: Калинина Ю.В. Почитание вмч. Георгия в разных христианских странах и народах // Православная энциклопедия. Т.X. Режим доступа: www.sedmitza.ru/text/409961.html

3. Мир русских икон и монастырей. История, предания. Т.С. Еремина. М., 1998.

4. См. Алпатов М.В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // Этюды по истории русского искусства. Т.1. М., 1967.

5. Ляцкий Е.А. Стихи духовные. СПб., 1912. С.205–207.

6. Марков А.В., Маслов А.Л., Богословский Б.А. Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. // Труды музыкально-этнографической комиссии. М., 1911. Т.2. №6.

7. Ляпунов С.М., Истомин Ф.М. Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. СПб., 1899. №4.

8. Народные духовные стихи / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. М., 2004. С.156–159.

9. Бессонов П.А. Калики перехожие: Сборник стихов и исследование. М., 1863. Ч.II. №154.

10. Там же. №132.

11. Народные духовные стихи. С.344–345.

12. Мельник В.И., Мельник Т.В. Два фольклорных сюжета о св. Николае-чудотворце // Режим доступа: www.portal-slovo.ru/philology

13. Там же.

14. Озаровская О.Э. Бабушкины старины. Пг., 1916. С.81.

15. Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века // Режим доступа: http://www.icon-art.info

16. Бессонов П.А. Указ. соч.

17. Озаровская О.Э. Указ. соч. С.81–83.

18. Марков А.В., Маслов А.Л., Богословский Б.А. Указ. соч. №17.

19. Бессонов П.А. Указ. соч.

20. Обзор русского народного быта Северного края / Собрал А.Е. Бурцев. СПб., 1902. Т.2.

21. Дилакторский П.А. Духовные стихи Вологодской губернии // Этнографическое обозрение. 1898. №3.

22. Режим доступа: izsum.livejournal.com/770.html

23. Режим доступа: www.ailoo.ru/duxovnaya-poeziya

24. Исторические песни XVII века. М.;Л., 1966. №121.